

Едва ступив в Тростниковый переулок, Шэнь Нянь замер: у самых дверей дома стоял полицейский в форме. На миг внутри всё похолодело — в голову лезли только дурные мысли, и от липкого страха выступил холодный пот. Лишь заметив за спиной офицера Гу Чжи, он перевёл дыхание, смутно догадываясь, в чём дело.

Гу Чжи тоже увидел его и насупился, явно недовольный происходящим.

Шэнь Нянь подошёл ближе. Заметив его, полицейский спросил:

— Ты из этого дома?

— Угу, — откликнулся Шэнь Нянь.

— А взрослые где? — продолжил страж порядка. — Мы ещё днём приходили, да никого не застали. Когда старшие вернутся?

Шэнь Нянь достал ключи, отпер ветхую калитку и, пропуская гостей во двор, ответил:

— Отец на дальнбое, в городе появится нескоро.

В этих краях подобным никого было не удивить: родители сплошь и рядом бросали детей одних, уезжая на заработки. Полицейский лишь равнодушно кивнул и повёл Гу Чжи во двор:

— Вы ведь пару месяцев назад заявление подавали? О том, что из дома сбежал ребёнок. Сегодня у нас на участке разборка была, драка. Попался этот парень — вылитый тот, что у вас на снимке. Сам-то он отрекается, да только меня не проведёшь. До отца твоего мы не дозвонились, вот и привезли пацана к вам. Твой брат, верно?

Шэнь Нянь оглядел Гу Чжи: порванная одежда, ссадины на лбу и в уголке губ, а на шее — багровый сплошной след. Неизвестно, в какую замесу тот влип, но дрался этот придурок явно не жалея жизни.

Их взгляды пересеклись и тут же, по молчаливому согласию, разошлись.

— Он мне не брат, — выговорил Шэнь Нянь и, уловив недоумённый взгляд полицейского, добавил: — Но жил он действительно здесь.

Гу Чжи лишь презрительно фыркнул, не удосужившись вставить и слова. Полицейский усмехнулся такой заминке:

— Да что вы за обиды такие друг на друга таите? Одно дело делаете, семья ведь. Не бери в

голову, какой-никакой, а брат. Натерпелся он, видать, на улице, раз уж вернулся — так не ссорьтесь больше.

Шэнь Нянь промолчал: объявлять чужому человеку всю подноготную не хотелось. Гу Чжи тоже молчал, но тот просто брезговал открывать рот.

Решив, что служебный долг выполнен, офицер не стал вникать в семейные дразги. Пробормотал ещё пару напутствий и удалился.

Во дворе снова воцарилась тишина. Гу Чжи присел на крыльцо западного флигеля, всем видом показывая, что задерживаться не собирается и вот-вот уйдёт. Шэнь Нянь некоторое время стоял неподвижно, не зная, о чём говорить с гостем, да и не испытывая особого желания заводить разговор.

И всё же он не мог отрицать: присутствие другого человека — пусть даже несносного Гу Чжи — приносило странное облегчение.

По крайней мере, в доме больше не было той прежней, вымораживающей пустоты.

— Я не собирался возвращаться, — первым подал голос Гу Чжи. — Меня заставили. Сейчас они отъедут подальше, и я уйду.

Шэнь Нянь ничего не ответил. Казалось, ему совершенно всё равно, останется тот или сбежит.

Он лишь ощутил редкое для себя чувство — голод. Уже очень давно, переступая порог этого дома, он не испытывал желания поесть и обычно обходился без ужина. Но сегодня вдруг захотелось приготовить хоть что-нибудь, пускай съестного в доме почти не осталось.

В холодильнике нашлись только пара паровых булочек-маньтоу да несколько яиц. Идти в магазин было лень, и Шэнь Нянь решил просто обжарить их вместе. Но едва он положил маньтоу на разделочную доску, как снаружи раздались шаги. Гу Чжи, даже не попрощавшись, направился к калитке. Поняв, что тот уходит, Шэнь Нянь замер. Нахлынувший голод мгновенно улетучился.

Но делать он ничего не стал. Просто стоял и ждал, пока затихнут шаги, пока в доме снова не останется ни души и ему опять придётся разговаривать с самим собой.

Однако прежде чем шаги смолкли, за окном прогрехотал раскатистый удар грома. Собирался дождь. Одноклассники ошиблись: сегодня прольётся ливень, а не выпадет снег.

Раскат грома заставил Гу Чжи замереть у самого входа в кухню. Обернувшись, Шэнь Нянь даже сквозь тонкую дверную занавеску разглядел, как тот дрожит всем телом, словно окаменев от ужаса.

Он понимал, что радоваться чужому страху дурно, но, глядя на застывшую фигуру Гу Чжи, испытывал странную радость.

Поддавшись этому порыву, Шэнь Нянь решил выйти и предложить Гу Чжи укрыться в комнате. Но не успел он отдёрнуть шторку, как прямо над крышей грохнуло ещё сильнее — сухо, оглушительно, будто расколосось небо. Лицо Гу Чжи мгновенно мелом пошло. Забыв обо всём на свете и даже не взглянув на Шэнь Няня, он рефлекторно шарахнулся в сторону и кинулся в северную комнату.

Куда именно он забился, объяснять не требовалось.

Шэнь Нянь немного посторонился, а затем, почувствовав, что аппетит вернулся, снова взялся за стряпню. Приготовив еду, он не стал уходить к себе, а съел полпиалы прямо здесь же, за обеденным столом. За окном зашуршал дождь, стекло заволокло мутной пеленой конденсата. Шэнь Нянь подошёл ближе, провел ладонью по окну, счищая влагу, и в тёмном отражении разглядел свою истинную, скверную натуру.

Ему нравилось, когда в доме кто-то есть. И он хотел удержать Гу Чжи рядом. Приручить его грошовым, ничего не стоящим теплом, заставить преданно смотреть в глаза и заботиться о нём одном.

Так, как тот когда-то тянулся к Шэнь Чуншаню — только теперь Гу Чжи должен был стать ещё преданнее.

Шэнь Нянь знал: добиться этого проще простого. Гу Чжи, как и он сам, был абсолютно беззащитен перед лаской. Стоит лишь подарить ему малую толику участия, и эта колючая ледышка тут же оттаёт.

А фальшива ли эта ласка — какая разница? Главное — получить желаемое. К тому же Гу Чжи натворил столько зла, что отплатить ему той же монетой казалось вполне справедливым.

Безумие Гу Чжи напоминало бомбу с часовым механизмом, но волновало ли это Шэнь Няня? В мире не существовало ничего страшнее, чем остаться в полном одиночестве.

Дождь зарядил мелкий, но затяжной — такой обычно тянется всю ночь. Шэнь Нянь не спеша прошёл по галерее в северную комнату. Как и ожидалось, до смерти перепуганный грозой Гу Чжи забился в то самое место, где раньше находил спасение. Включив свет, Шэнь Нянь некоторое время простоял у порога, затем подошёл и присел на край кровати. По-хорошему, надо было прилечь, но он остался сидеть, свесив ноги.

Спустя пару секунд чьи-то пальцы судорожно вцепились в его щиколотку. Шэнь Нянь ничуть не удивился, но всё же опустил взгляд. Как и в прошлые разы, хватка была мёртвой — костяшки на руках Гу Чжи побелели. Нога отозвалась тупой болью, но Шэнь Няню было всё равно. Он позволил держать себя.

В такой ненастный, ненавистный им обоим вечер даже общество неприятеля приносило утешение.

Гу Чжи явно думал точно так же, иначе не цеплялся бы за него, как за последнюю соломинку.

Дождь всё шумел и шумел. Наевшись впервые за долгое время, Шэнь Нянь почувствовал, как его одолевает истома. Веки налились тяжестью, но из-за чужой хватки опуститься на подушку не получалось, и пришлось сидеть, борясь со сном.

Ливень утих лишь к полуночи. Когда капли перестали барабанить по стеклу, Шэнь Нянь, прислонившись к стене, окончательно сморился. Свободной от сна частью сознания он уловил осторожный шорох, затем тихие шаги к выходу. Встрепенувшись, Шэнь Нянь сбросил остатки дрёмы и понял: это не бред. Гу Чжи выбрался из-под кровати и приоткрыл дверь, собираясь уйти.

— Ты куда? — Шэнь Нянь резко поднялся, но от слишком быстрого движения перед глазами всё поплыло.

Гу Чжи обернулся, настороженно прищурившись:

— Чё надо?

Справившись с приступом тошноты и головокружения, Шэнь Нянь сделал шаг вперёд:

— Я еду оставил. Будешь?

В этот миг во взгляде Гу Чжи вспыхнуло явное, неподдельное изумление — парень словно не верил своим ушам.

Шэнь Нянь молча наблюдал за его реакцией. Теперь он окончательно убедился, что раскусил этого мальчишку: среди глухой, пугающей ночи даже крохотная капля тепла — пускай всего лишь полмиски остывшей стряпни — лишала Гу Чжи силы духа, и тот уже не мог, как раньше, швырнуть в ответ резкое «не надо».

Они оба были слишком уязвимы. Перед человеческим теплом они пасовали без боя — пусть даже протянутая рука принадлежала бывшему врагу.

— Не буду, — буркнул Гу Чжи и шагнул за порог.

Шэнь Нянь не удивился отпору. Будь тот менее подозрителен, его можно было бы считать идиотом. Не пытаясь остановить беглеца, Шэнь Нянь выждал пару секунд и пошёл следом.

Дождь всё ещё моросил, хотя уже и не с прежней силой. Из открытой двери тянуло сырым холодом, от которого Шэнь Нянь зябко съёжился. Гу Чжи был одет куда беднее, но стоял на крыльце и смотрел на падающие капли так, словно не чувствовал стужи. Он явно собирался уйти, да вот ненастье смешало все карты.

Шэнь Нянь встал за его спиной и, глядя на стекающие с крыши струи, тихо произнёс:

— Ты можешь остаться.

Гу Чжи обернулся. В его лице не было и тени удивления — губы искажила едва заметная усмешка:

— Чтобы сидеть с тобой? Братец Няньнянь, а ты, оказывается, боишься одиночества куда сильнее, чем я думал.

Удар попал в цель, но Шэнь Нянь даже глазом не моргнул. Он продолжал смотреть на тёмную воду, подставив лицо зябкому ветру. Пальцы успели окоченеть, однако возвращаться в дом он не спешил — там было ничуть не теплее.

— А ты? Тебе разве никто не нужен?

Гу Чжи впился в него взглядом, но спустя пару мгновений отвернулся и с какой-то яростной злобой выплюнул:

— Не нужен!

— А если кто-то пообещает, что никогда тебя не бросит? — спросил Шэнь Нянь. — Всё равно не нужен?

Наживка оказалась слишком сладкой. Гу Чжи не смог отрезать сразу. Помолчав, он произнёс с наигранным пренебрежением:

— Ты, что ли? С какой стати мне тебе верить?

Шэнь Нянь наконец оторвал взгляд от падающих капель и посмотрел Гу Чжи прямо в глаза. Лицо его выражало глубокую, почти мёртвую отрешённость:

— Потому что я тоже один. У меня нет такой кучи вариантов, как у взрослых. Брошу тебя — и снова останусь ни с чем.

Гу Чжи открыл было рот, намереваясь возразить, но слова застряли в горле. В тусклом свете из

прихожей Шэнь Нянь заметил, как в глазах собеседника мелькнуло замешательство. Парень поколебался.

Раньше Гу Чжи казалось, будто взрослые сильнее, будто они способны защитить и согреть. Но, пройдя через кучу взбучек, он осознал: силы-то у них есть, да только и соблазнов пруд пруди. Взрослые вечно взвешивают выгоду и выбирают то, что считают лучшим для себя. А детские желания для них — пустое место. Их никогда не ставят во главу угла. Даже если о тебе вроде как пекутся, при первой же серьёзной пертурбации тобой без раздумий пожертвуют. И обязательно добавят с фальшивым вздохом: «Я же всё это ради твоего блага делаю».

Ему никогда не стать чьим-то единственным выбором.

Гу Чжи давно плюнул на взрослый мир и перестал ждать от него чудес. Потому и сбежал из дома Шэнь, потому и предпочитал рыться по свалкам, собирая утиль, лишь бы не оставаться здесь.

Но Шэнь Нянь — другое дело. Он старше всего на два года. У него нет никакого выбора. Да, у него есть отец, но чего стоит этот Шэнь Чуншань, Гу Чжи знал лучше всех на свете. Единственный лучший друг тоже уехал. Шэнь Нянь остался совершенно один. И если Гу Чжи станет для него всем, то Шэнь Нянь его уже не вышвырнет.

Если он до смерти боится одиночества, то глупить не станет.

Хочет ли Шэнь Нянь оставаться один? Ни за что. Гу Чжи не раз замечал его на углах улиц — тот часами сидел, уставившись на проезжающие машины и прохожих. Будь ему хорошо наедине с собой, он бы там не торчал. От него буквально разило тоской, от которой даже Гу Чжи не мог отмахнуться.

С какой стати человек, который прежде терпеть его не мог, вдруг стал просить остаться? Если бы Шэнь Нянь не дошёл до крайней точки, он бы ни за что не переступил через свою гордость.

Шэнь Нянь был ещё одинокее, ещё отчаяннее жаждал вырваться из этой беспросветности. И вместо того чтобы уповать на взрослых, у которых сто пятниц на неделе, им двоим куда разумнее было греться друг о друга.

Да и кто поймёт их лучше, чем они сами?

Зима выдалась беспросветно студёной, и предложение Шэнь Няня действительно отдавало искушением.

Его предавали уже трижды. По-хорошему, следовало встать на дыбы, насторожиться и не верить ни единому слову. Это шло вразрез со всем, что он себе вбил в голову. Тем более что Шэнь Нянь паршиво притворялся — искренности в его словах кот наплакал.

Гу Чжи понятия не имел, что у того на уме и какую игру он затеял. Но, к собственному удивлению, решил сыграть в эту рулетку ещё один, последний раз.

— Ты хорошо подумал? — произнёс Гу Чжи. — Согрейся со мной — затея паршивая.

Шэнь Нянь молча ждал продолжения.

— Ты же знаешь, я псих. Всё, что моё, должно принадлежать только мне. Я не потерплю, если ты станешь с кем-то мил. Меня от этого воротит, — Гу Чжи уставился на него, и в его глазах блеснул дикий, болезненный огонёк собственничества. — Ты будешь принадлежать только мне.

— Я знаю, — ответил Шэнь Нянь.

— У меня есть свои пунктики. Если перекроет — я слетаю с катушек и себя не контролирую.

— Знаю.

— Если уж решишь остаться со мной, я тебя до конца дней не отпущу. — Гу Чжи подошёл вплотную, вглядываясь в его зрачки, и, чеканя каждое слово, добавил: — Я в последний раз верю кому-то. Если обманешь — с тобой я церемониться не стану, как с Шэнь Чуншанем. Сам не знаю, что с тобой сделаю. Это опасно.

Шэнь Нянь помедлил. В его голове пронеслось прошлое, настоящее, будущее... Но любые угрозы Гу Чжи блекли по сравнению с кошмаром одиночества.

И он кивнул:

— Идёт. Не отпускай меня до конца дней.

Пусть уж лучше рядом всю жизнь вьётся этот псих — так даже лучше.

Гу Чжи несколько не удивился. Сложилось впечатление, будто он заранее знал ответ. Он несколько секунд пристально смотрел на Шэнь Няня, а потом медленно, криво улыбнулся:

— На самом деле всё не так уж страшно. Ты будешь только моим, но и я буду принадлежать только тебе. Я буду рядом, буду тебя беречь, и никто больше не посмеет тебя обидеть.